

Л.В. Панкова*

**СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ
И НОВАЯ АМЕРИКАНСКАЯ
«СТРАТЕГИЯ КОМПЕНСАЦИИ»****

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Формирование новой совокупности экономических, научно-технических и военно-технологических факторов, воздействующих на национальную и международную безопасность, все настойчивее диктует необходимость проработки нового концептуального подхода к обеспечению стратегической стабильности. В США усилия в этом направлении предпринимаются в рамках «третьей стратегии компенсации» (Third Offset Strategy), призванной гарантировать военно-техническое преобладание Соединенных Штатов в условиях смены технологического уклада и глобальной трансформации системы международных отношений. В данной статье на основе анализа ключевых документов стратегического планирования США, выступлений американских политиков и военных, а также экспертно-аналитических материалов выявлены ключевые характеристики и элементы этой новой стратегии. Особое внимание уделено существующим и перспективным американским разработкам в сфере развития систем ограничения доступа (A2/AD) и средств противодействия им. Автор подчеркивает, что, несмотря на общее сокращение финансирования военных программ, важнейшим компонентом «третьей стратегии компенсации» является форсированное инновационное развитие, которое должно привести к технологическим прорывам в военной

* Панкова Людмила Владимировна — доктор экономических наук, заведующая Отделом военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, профессор кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lpankova@imemo.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности».

сфере. Отмечается, что в этой связи в США упор делается на развитие и укрепление сотрудничества между государственными ведомствами и частными организациями, научно-исследовательскими центрами. Автор выделяет ключевые факторы, обуславливающие важность инновационной деятельности в поддержании стратегической стабильности в современных условиях. В статье также рассмотрены новейшие тенденции в развитии средств нападения и обороны (воздушно-космических сил, беспилотных систем и др.). Автор приходит к выводу, что в период 2020–2030-х годов в результате реализации программ «третьей стратегии компенсации» можно ожидать важных изменений в структуре и составе Вооруженных сил США. Это неизбежно отразится на глобальной системе стратегической стабильности и поставит новые вызовы перед Российской Федерацией.

Ключевые слова: Соединенные Штаты, стратегическая стабильность, «третья стратегия компенсации», стратегический баланс, международная безопасность, блокировка доступа, A2/AD, мгновенный глобальный удар, сдерживание, инновационные технологии, воздушно-космические силы.

В современных условиях стратегическая стабильность находится под достаточно жестким воздействием активно формирующейся новой совокупности взаимодействующих экономических, научно-технических, военно-технологических факторов, влияющих на национальную и международную безопасность¹. Эта новая «факторная» совокупность, накладываясь на базисные, коренные изменения фундаментального плана (такие как смена технологического уклада и движение к «полицентричной» системе международных отношений), создает риски в зонах мировой экономики и мировой политики, а также оказывает влияние на стратегическую стабильность как в ее узком, чисто стратегическом, так и в широком, военно-политическом, значении.

В первом случае, как отмечалось в работе Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, «речь идет о состоянии баланса стратегических вооружений России и США, оценке воздействующих на него материальных и доктринальных факторов». Во втором «стратегическая стабильность» «понимается в смысле общих военно-политических отношений государств, негосударственных организаций и движений с точки зрения возникновения и развития конфликтов, распространения оружия массового уничтожения и новых способов враждебного воздействия, а также в плане эф-

¹ Предпринимается попытка ввести даже понятие «глобальная политическая, экономическая и военная конкуренция» (Global Political-Economic-Military Competition) [Murdock, Crotty, Weaver, 2014: 20].

фективных норм и механизмов их предотвращения и урегулирования» [Разоружение и безопасность, 2014].

В целом оценка стратегической стабильности усложняется, требуются новые формы и более гибкие инструменты ее обеспечения. Не подлежит сомнению значимость широких дискуссий по данной проблеме, которые позволят замедлить (или даже остановить), урегулировать наметившиеся осложнения в системе сотрудничества в области безопасности, а также в других сферах, прежде всего в области экономики, науки и технологий, обороны.

Исходным посылом статьи является идея о необходимости формирования нового концептуального подхода к обеспечению стратегической стабильности. Актуальность данной задачи обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, устойчивость стратегического баланса, прежде всего между США и Россией, и в современных условиях, и в перспективе зависит от учета таких факторов, как:

– развитие новых технологических возможностей, в первую очередь в аэро-ракетно-космической и информационной сферах;

– кумулятивный эффект этого развития при полноценном и первоочередном учете ядерного фактора, с одной стороны, и с другой — при признании невозможности в условиях поддержания системы стратегической стабильности отрыва ядерного фактора от ситуации в сфере космической безопасности², а также от систем современного и перспективного высокоточного оружия, конвенциональных систем мгновенного глобального удара (Prompt Global Strike — PGS)³, систем блокировки доступа в определенные регионы A2/AD (Anti-Access/Area-Denial);

– необходимость в перспективе более детальной оценки киберсистем и гиперзвуковых технологий.

Следует заметить, что в Военной доктрине Российской Федерации, опубликованной в конце декабря 2014 г., среди внешних военных опасностей отмечается не только «создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотноше-

² Об этом в частности, говорилось в рамках стратегического диалога США/Китай. См. подробнее: Glosny M., Twomey C., Jacobs R. U.S.-China strategic dialogue, phase VII report. May 2013. Available at: www.hsdl.org/?view&did=739908 (accessed: 23.11.2015).

³ Конгресс США поддержал программу PGS. В 2014 г. на нее было выделено 65,4 млн долл., в 2015 г. — 95,6 млн долл. На 2016 г. администрация Б. Обамы запрашивала на программу PGS 78,8 млн долл. См. подробнее: Woolf A.F. Conventional Prompt Global Strike and long-range ballistic missiles: Background and issues // Congressional Research Service, 6 February 2015. P. 1.

ние сил в ракетно-ядерной сфере», но и «реализация концепции “глобального удара”, намерение разместить оружие в космосе, а также развертывание стратегических неядерных систем высоко-точного оружия»⁴.

Во-вторых, возможны изменения в модели сдерживания, о чем, в частности, пишут эксперты Министерства обороны США⁵, а именно: переход от модели взаимного гарантированного уничтожения (Mutual Assured Destruction — MAD), действовавшей в период «холодной войны», к модели «сдерживания путем лишения возможности нападения» (deterrence by denial). Новая концепция построена на идее о том, что если объект вашей потенциальной атаки вам недоступен, то вы не будете атаковать первыми.

В американском экспертном сообществе обсуждается также возможность «сдерживания асимметричным наказанием» (deterrence by asymmetric punishments) [Martinage, 2014], что предполагает реализацию ответных асимметричных действий, причем в любое время, в любом другом месте и с использованием гибких средств.

Говоря о возможности изменений в модели сдерживания, следует также отметить наступательный и упреждающий характер перспективной американской системы PGS, который, весьма вероятно, отразится на оценке стратегической устойчивости другими странами. Как отметил академик А.А. Кокошин, «существенное влияние на степень устойчивости баланса, особенно в ситуации “ядерного пата”, оказывают силы общего назначения и обычные вооружения» [Кокошин, 2013: 59].

В-третьих, все явственнее становятся предпосылки к тому, чтобы система оценки мировой стратегической устойчивости выстраивалась на многосторонней основе. При этом следует принимать во внимание не только развитие стратегических сил (в частности, в Китае, особенно в случае нового российско-американского договора, например, о снижении количества боеголовок примерно до 1000⁶), но и растущее распространение и развитие высоких технологий. Необходимо учитывать также возможность складывания различных стратегических союзов и альянсов. Последнее означает, что партнерство становится одним из инструментов сдерживания⁷.

⁴ Военная доктрина РФ // Российская газета. 30.12.2014 г. Доступ: www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (дата обращения: 22.11.2015).

⁵ Singer P.W., Friedman A. What about deterrence in an area of cyberwar? // *Armed Forces Journal*. 9 January 2014. Available at: www.armedforcesjournal.com/what-about-deterrence-in-an-era-of-cyberwar (accessed: 22.11.2015).

⁶ Glosny M., Twomey C., Jaobs R. U.S.-China strategic dialogue, phase VII report. May 2013. Available at: www.hsdl.org/?view&did=739908 (accessed: 23.11.2015).

⁷ Cole M. How A2/AD can defeat China // *The Diplomat*. 12 November 2013. Available at: <http://thediplomat.com/2013/11/how-a2ad-can-defeat-china/> (accessed: 23.11.2015).

Дополнительными стимулами к разработке новых подходов к стратегической стабильности для отечественных ученых должны стать акцентирование идей обеспечения технологического и военно-технического превосходства в новейших американских документах стратегического планирования, а также провозглашение Оборонной инновационной инициативы (Defense Innovation Initiative — DII) и «третьей стратегии компенсации» (Third Offset Strategy). Зарубежные и отечественные ученые и эксперты уже активно осмысливают новые инициативы Министерства обороны США [Martineage, 2014; Colby, 2015; Кокошин, Бартенев, Веселов, 2015], однако вопросы перспективного влияния реализации данной стратегии на стратегическую стабильность требуют более тщательной проработки, и данная статья призвана наметить рамки содержательного обсуждения этой проблемы.

* * *

Анализ главных стратегических документов США, выпущенных в первой половине текущего десятилетия, — Четырехгодичного обзора состояния обороны 2010 г. (QDR-2010)⁸; Стратегического руководства по обороне (DSG-2012), названного «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты XXI века в области обороны»⁹, Четырехгодичного обзора состояния обороны 2014 г. (QDR-2014)¹⁰, Стратегии национальной безопасности 2015 г.¹¹, а также Национальной военной стратегии США 2015 г. (The National Military Strategy of the United States of America 2015)¹² — свидетельствует о том, что основной подход к планированию вооруженных сил идентичен во всех документах, несмотря на определенные и иногда достаточно важные отличия в стратегических акцентах. Заключается этот подход в создании широкого «портфеля военных возможностей» как *фундамента для обеспечения американского глобального лидерства*.

Как отмечал в QDR-2010 министр обороны США Р. Гейтс, Вашингтону необходим «портфель военных возможностей», который обеспечивал бы максимальную гибкость (многосторонность) при самом широком (насколько это возможно) спектре потенциальных конфликтов. По мнению некоторых американских экс-

⁸ Quadrennial Defense Review, February 2010, Department of Defense, Washington.

⁹ Defense Strategic Guidance 2012 // Department of Defense, Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense, January 2012.

¹⁰ Quadrennial Defense Review, February 2014, Department of Defense, Washington.

¹¹ National Security Strategy, February 2015, The White House, Washington, 2015.

¹² The National Military Strategy of the United States of America 2015, Joint Chief of Staff. June 2015.

пертов [Murdock, Crotty, Weaver, 2014], такой «портфельный» подход к структуре и составу вооруженных сил обеспечивает широкий выбор возможностей для президента, который принимает стратегические решения относительно того, когда и где использовать войска.

В то же время следует заметить, что в QDR-2014 акцент в области стратегического планирования был несколько смещен. В документе отмечалось, что в условиях современного технологического ландшафта не следует нацеливаться на беспрекословное лидерство во всех сферах, и Министерство обороны США должно стремиться обеспечить технологическое превосходство в наиболее критичных областях с точки зрения парирования существующих и будущих военных вызовов¹³. При этом также указывалось, что Пентагону целесообразно более активно искать *инновационные* подходы к позиционированию американских Вооруженных сил и достижению асимметричной «неприступности» и технологических преимуществ.

Однако военное превосходство — это только одна из составляющих, хотя и базовых, обеспечения глобального лидерства США. Сегодня, как отмечает академик С. Глазьев¹⁴, глобальное лидерство есть уравнение со многими переменными, в рамках которого требуется обеспечить преимущество не только в военной, но и в технологической, финансовой, политической сферах. Изменение соотношения между этими составляющими, несомненно, вносит коррективы и качественные сдвиги в стратегические балансы, а впоследствии, по мере накопления критической массы изменений, — в «нормы и механизмы» стратегической стабильности.

Сегодня эксперты и представители военно-политической элиты США говорят о том, что в текущем десятилетии американское технологическое превосходство находится в состоянии неуклонной эрозии. Как правило, называют несколько причин.

Во-первых, расходы Министерства обороны США на исследования и разработки с конца прошлого десятилетия неуклонно снижаются (на 14% с 2009 г.). Более того, прямые затраты Вашингтона на инновации потеснены вложениями частного сектора. Многие технологические новинки, важные для военной сферы в будущем, разрабатываются в настоящее время коммерческими компаниями, которые, возможно, и не посчитают Пентагон достойным покупателем их продукции [Perry, Abizaid, 2014].

Во-вторых, наращиваются технологические возможности других стран. Ускоряется распространение перспективных военных

¹³ Quadrennial Defense Review, February 2014, Department of Defense, Washington.

¹⁴ Глазьев С. Выход из хаоса // Военно-промышленный курьер. 2014. № 42, 43, 45.

изобретений и средств их производства. Технологии, еще недавно находившиеся в монопольном владении США, по всей видимости, как утверждают американские эксперты [Perry, Abizaid, 2014], скоро будут доступны практически всем потенциальным соперникам Соединенных Штатов. Так, «ускоряется распространение технологий и систем ПРО, которые до недавнего времени имелись только у СССР/России и США. Национальные и международные программы ПРО разрабатываются в рамках НАТО, в Израиле, Индии, Японии, Южной Корее, Китае. Эта тенденция, несомненно, является крупнейшим долгосрочным направлением мирового военно-технического развития» [Арбатов, 2014: 16].

Что касается, например, беспилотных систем, развитию которых сегодня уделяют особое внимание десятки стран, то их распространение может внести значительное «смятение» в военную сферу. Комбинация беспилотников и высокоточных боеприпасов при общей тенденции к повышению уровня автономности представляет собой растущий вызов для тех, кто планирует развитие военной сферы, и создает угрозу как безопасности США, так и глобальной стабильности в целом.

Большинство экспертов склоняются к мнению, что новые стратегически важные технологии формируют и новые вызовы стратегической стабильности¹⁵. Часто приводят пример с разрабатываемыми гиперзвуковыми системами, которые меняют правила и принципы военных действий вследствие высоких скоростей, низкой уязвимости для средств противовоздушной и противоракетной обороны (ПВО, ПРО) и непредсказуемых траекторий полета. Следует отметить, что в США научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в области гиперзвука, являющиеся составной частью инициативы Пентагона, известной как Конвенциональные системы мгновенного глобального удара (Conventional Prompt Global Strike — CPGS), начались более 10 лет назад¹⁶.

В то же время российский эксперт генерал В.З. Дворкин, оценивая роль, например, высокоточного оружия как дестабилизирующего фактора в ядерном балансе Россия/США, отмечал, что потенциальные способности каждого вида вооружений необходимо сопоставлять с реальными сценариями военных действий. В частности, «по отношению к официальным членам “ядерного клуба” сценарии широкомасштабных разоружающих ударов высокоточным неядерным оружием можно рассматривать в основном в ка-

¹⁵ Weitz R. Arms racing in strategic technologies: Asia's new frontier // Hudson Institute. 2015. Available at: <http://www.hudson.org/research/11307-arms-racing-in-strategic-technologies-asia-s-new-frontier> (accessed: 23.11.2015).

¹⁶ Ibidem.

честве теоретических изысканий» [Россия и дилеммы ядерного разоружения, 2013: 21–22].

С конца 2014 г. высокопоставленные представители Министерства обороны США — тогдашний министр обороны Ч. Хэйгел, заместители министра обороны Р. Уорк и Э. Картер — начали продвигать новую, «третью стратегию компенсации», ориентированную на поддержание и наращивание американского военного-технического превосходства. Новая «стратегия компенсации», которая охватывает широкий комплекс усилий, необходимых для расширения преимуществ США по проецированию силы в условиях вызова американскому военному превосходству, безусловно, потребует и анализа с точки зрения позиционирования ядерного оружия в новом формате вооруженной борьбы¹⁷, рассматриваемом в рамках «третьей стратегии компенсации».

Предшествующие две «стратегии компенсации» предполагали усиление технологических преимуществ Соединенных Штатов. Первую из них эксперты относят к 1950-м годам и связывают с докладом президента Д. Эйзенхауэра «Новый взгляд» («New Look»). Это был период, когда США, согласно выводам американского Центра стратегических и бюджетных оценок (Center for Strategic and Budgetary Assessments — CSBA), «наслаждались» решающим технологическим превосходством. Результатом «первой стратегии компенсации» стала революция в оборонном планировании Министерства обороны США.

«Вторая стратегия компенсации» была инициирована в середине 1970-х годов министром обороны Г. Брауном. Ее итогом стало появление долгосрочной программы планирования исследований и разработок (Long-Range Research and Development Planning Program — LRRDPP). В ней ставилась задача достижения решающего технологического превосходства за счет использования высокоточного оружия, управляемого через сеть систем связи, контроля, управления и разведки (Command, Control, Communication and Intelligence — C3I).

«Третья стратегия компенсации» также направлена на обеспечение военно-технического превосходства США. Однако если в период «второй стратегии компенсации» Пентагон делал ставку на высокоточное и дорогостоящее управляемое оружие нового класса, что привело, как считают американские эксперты, к уменьшению количества вооружений и военной техники в арсенале страны в целом, то в рамках «третьей стратегии компенсации» значение придается созданию большего количества более дешевого вооружения,

¹⁷ Об этом, в частности, упоминалось в работе Е. Колби [Colby, 2015: 5].

работающего в общей сети¹⁸. Малозаметность, точность и управляемость по-прежнему являются важными параметрами, но не главной сутью оборонной стратегии. Более того, если в рамках предыдущих «стратегий компенсации» делался упор на прорывные технологии, то «третья стратегия» — это скорее комбинация новых и традиционных технологий, а также новых и традиционных боевых концепций. Усилено внимание и к интеграции точного конвенционального оружия со стратегическими ядерными силами в рамках новой категории оружия «наступательного удара» (offensive strike) [Woolf, 2015].

«Третья стратегия компенсации» последовала за объявленной министром обороны США Ч. Хэйгелом программой ДИП. Основной акцент в этой программе был сделан на разработке конкретных технологий и военных возможностей, направленных на компенсацию растущих неблагоприятных для США ситуаций при проецировании силы в условиях появления систем блокирования доступа в нужные регионы (A2/AD). Среди ключевых элементов системы A2/AD выделяют следующие: высокоточные баллистические и крылатые ракеты, интегрированные системы наземных систем и средств ПВО, большое количество современных истребителей четвертого поколения, возможности ракет воздух-воздух системы наблюдения и разведки (практически в реальном времени), интегрированные укрепленные и многочисленные сети контроля и управления, средства электронной войны (электронного противодействия), антиспутниковое оружие и кибероружие.

Ч. Хэйгел обязал все виды Вооруженных сил США разработать концепцию по ответу на вызов, связанный с созданием систем A2/AD. Как отмечалось в Национальной военной стратегии США 2015 г., для гарантированного проникновения в зоны ограниченного доступа A2/AD потребуется развертывание надежных интероперабельных систем между видами Вооруженных сил США, союзниками, ведомствами и коммерческими партнерами¹⁹. Необходимы также создание единой информационной среды (Joint Information Environment — JIE), внедрение комплексных и мобильных платформ разведки, наблюдения и рекогносцировки (Intelligence, Surveillance and Reconnaissance — ISR)²⁰. Для выполнения задач преодо-

¹⁸ Jackson V. The Pentagon's Third Offset Strategy: What US allies and partners need to know // The Diplomat. 28 April 2015. Available at: <http://thediplomat.com/2015/04/the-pentagons-third-offset-strategy-what-us-allies-and-partners-need-to-know> (accessed: 21.11.2015).

¹⁹ The National Military Strategy of the United States of America 2015, Joint Chief of Staff. June 2015.

²⁰ Jane's Defense Weekly, 2015, 8/VII. P. 9.

ления систем ограниченного доступа свою видовую концепцию глобального удара (The Global Strike Task Force) разработали Военно-воздушные силы (ВВС) США; перспективную концепцию обеспечения доступа также имеет Корпус морской пехоты США. Однако в целом следует отметить, что единой стратегии, обеспечивающей гарантированное проникновение в зоны ограниченного доступа A2/AD, в Вооруженных силах США пока еще не выработано.

Проецирование силы в условиях распространения оружия по блокированию доступа и корректировка соответствующих доктрин — одни из базовых проблем для Министерства обороны США на ближайшее десятилетие. По мнению американского эксперта В. Джексона, главную озабоченность в этой связи вызывает Китай, обладающий наилучшими военными системами по блокировке доступа²¹. Отмечается также, что КНР не только строит «устрашающие» конвенциональные системы вооружений по блокированию эффективного проецирования американской силы в западной части Азиатско-Тихоокеанского региона, но и увеличивает собственные возможности. При этом особо подчеркивается, что Китай, обладая ядерными силами, продолжает наращивать их качественный потенциал. О лидирующих позициях этой страны в области сложных систем A2/AD говорят и исследования известной аналитической организации RAND Corporation. Таким образом, Китай рассматривается в качестве главной угрозы, мотивирующей процесс модернизации Вооруженных сил США и их возможностей в области проецирования силы [Ochmanek, 2014: 2].

Основные технологические компоненты «третьей стратегии компенсации» (преимущественно определяемые возможностями противодействия системам A2/AD) заключаются в разработке следующего поколения платформ проецирования мощи. К ним относятся такие системы, как беспилотные автономные боевые самолеты и стратегические бомбардировщики дальнего радиуса действия (Long-Range Strike Bomber — LRS-B²²). Предполагаются дополнительные инвестиции в боевые беспилотные подводные системы (Unmanned Underwater Vehicles), а также меры по снижению уязвимости США

²¹ Jackson V. The Pentagon's Third Offset Strategy: What US allies and partners need to know // The Diplomat. 28 April 2015. Available at: <http://thediplomat.com/2015/04/the-pentagons-third-offset-strategy-what-us-allies-and-partners-need-to-know> (accessed: 21.11.2015).

²² Особое внимание аналитики уделили программе строительства LRS-B, предположив, что она может быть расширена, а темпы — ускорены. Общие расходы на НИОКР по программе прогнозируются в размере 17,9 млрд долл. LRS-B должен заменить B-52 (в эксплуатации уже более 50 лет), B-2 и B-1 (в эксплуатации более 28 лет). Начальная боевая готовность LRS-B запланирована на середину 2020-х годов.

и их партнеров к потере космических систем связи. Большое внимание уделяется разработке «платформ отрицания доступа» (denial platforms), управляемых боеприпасов, а также систем разведки, наблюдения и рекогносцировки (ISR).

Считается, что только три вида вооружений способны эффективно поражать труднодоступные и хорошо защищенные цели в условиях средней и высокой степени противодействия со стороны противника: стратегические бомбардировщики В-2 «Спирит» (Spirit) и LRS-B, а также перспективная планирующая ракета с ускорителем, запускаемая с подводных лодок. Последняя, согласно экспертным оценкам, сможет осуществлять радиоэлектронное подавление, а также выполнять боевые задачи, связанные с высокоточным поражением крупных стационарных объектов²³.

Названные элементы сдерживания, по всей видимости, могут составить глобальную разведывательно-ударную систему GSS (Global Surveillance and Strike), развитие которой поддерживает CSBA²⁴.

В целом в рамках «третьей стратегии компенсации» набирает силу новый комплект стратегически важных неядерных технологий, таких как системы ПРО, антиспутниковые системы, высокоточное оружие дальнего радиуса действия, системы A2/AD, кибероружие. Новые и «зарождающиеся» неядерные технологии — по отдельности и в совокупности — несут потенциал подрыва стратегической стабильности, составляющими которой являются возможности копирования, компенсации или смягчения стратегического эффекта ядерного оружия. Кроме того, подобные новые системы вооружений могут быть «сопоставимы по результатам применения с ядерным оружием, но более “приемлемы” в политическом и военном плане», о чем говорил В.В. Путин в своей известной статье «Быть сильными...» еще в 2012 г.²⁵

С прошлого года первый заместитель министра обороны США Р. Уорк активно реализует идею о необходимости модернизации ядерных сил как средства сдерживания. По мнению Р. Уорка, модернизацию необходимо начинать незамедлительно (особенно в условиях, когда Россия и Китай запустили свои аналогичные программы), чтобы не потерять возможности сдерживания

²³ Defense News, 2015, 24/IV.

²⁴ Maucione S. Carter plowing forward on 2017 budget despite sequestration threat // Federal News Radio. 17 September 2015. Available at: <http://federalnewsradio.com/defense/2015/09/sec-carter-plowing-forward-2017-budget-despite-sequestration-threat/> (accessed: 21.11.2015).

²⁵ Путин В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России // Российская газета. 20.02.2012 г. Доступ: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 21.11.2015).

в 2020–2030-е годы. Подобная программа потребует 1 трлн долл. в течение последующих 30 лет. Пик расходов, по предварительным расчетам, придется на середину 2020-х годов, он оценивается примерно в 27 млрд долл. в год²⁶.

Несмотря на продолжающийся секвестр военного бюджета, в 2016 и 2017 гг. можно ожидать расширения «портфеля военных возможностей» Пентагона. В частности, ВВС США увеличат инвестиции в киберсферу, космос и ядерное сдерживание²⁷.

Заслуживает внимания предложение китайских экспертов о необходимости дополнить сдерживание в ядерной сфере сдерживанием в космосе и киберпространстве²⁸. По их мнению, ограничение конфликта рамками только одной из этих сфер невозможно, в то время как взаимные обязательства США и Китая по сдерживанию по всем трем направлениям (ядерному, в космосе и киберпространстве) станут крупным шагом в направлении повышения взаимного доверия в стратегической сфере и будут служить укреплению стратегической стабильности в целом.

Итак, «третья стратегия компенсации», как и первые две, проектируется для поддержания американского технологического и военно-технологического превосходства. Кроме того, в рамках «третьей стратегии компенсации» будут, вероятно, предприняты серьезные шаги по укреплению стратегической стабильности в новых реалиях, что подтверждается и усилением внимания американского экспертного сообщества к этой проблеме. Очевидна потребность и в новых инициативах в области нераспространения и разоружения, о чем говорилось, например, на конференции, посвященной поиску свежих подходов к ядерному сдерживанию, проходившей в Вилтон-парке (Великобритания) в 2012 г.²⁹

Важнейшей инструментальной основой обеспечения превосходства США в сфере военных технологий в ближайшие десятилетия станут сохранение и укрепление лидирующих позиций в области военно-технических разработок.

²⁶ Maucione S. Carter plowing forward on 2017 budget despite sequestration threat // Federal News Radio. 17 September 2015. Available at: <http://federalnewsradio.com/defense/2015/09/sec-carter-plowing-forward-2017-budget-despite-sequestration-threat/> (accessed: 21.11.2015).

²⁷ Ibidem.

²⁸ Glosny M., Dr. Twomey C., Jaobs R. U.S.-China strategic dialogue, phase VII report. May 2015. Available at: www.hsdl.org/?view&did=739908 (accessed: 23.11.2015).

²⁹ Deterrence, assurance and reductions: rebalancing the nuclear order // Wilton Park. Conference Report. 2012. Available at: <https://www.wiltonpark.org.uk/conference/wp1175/> (accessed: 23.11.2015).

Поддержание военно-технологического превосходства в долгосрочной перспективе невозможно без ускорения инновационного развития, что как раз и является одной из основных задач трансформации военной экономики США в новом тысячелетии. Как известно, инновации формируют не только новые военно-технические и оперативные возможности, способствуют появлению новых организационных структур, но и определяют радикальные изменения в самом характере применения военной силы в политике, ведут к иному, еще неопределенному в настоящее время стратегическому состоянию, возможно, к выработке и использованию других форм политики сдерживания³⁰. Как отмечал бывший министр обороны США Д. Рамсфелд, «мы переживаем период необычных изменений и стратегической неопределенности»³¹. Политики только пытаются нащупать, выстроить новую модель мирового порядка, которая пока находится лишь в фазе своей концептуальной проработки. При этом политическая сфера явно отстает от развития сферы технологической, и разрыв между ними увеличивается. В результате под воздействием инновационного давления усиливается напряжение в зоне мировой политики. К изучению растущего *несоответствия между политикой и технологиями*, его последствий, а также возможностей предотвращения вызванных им конфликтных ситуаций приступили многие ведущие научные центры Запада.

Высокие темпы развития *стратегических технологий* в рамках планируемого усиления военно-инновационной динамики являются важным фактором, воздействующим на изменения в общей концепции стратегической стабильности (что в целом стало заметно уже в начале текущего десятилетия). Сегодня в США все чаще раздаются голоса о необходимости серьезных и детальных исследований (по инициативе в том числе администрации и Конгресса), призванных определить современный «интеллектуальный» фундамент американской политики стратегического сдерживания [Perry, Abizaid, 2014].

В 2014 г. Министерство обороны США выступило с новыми предложениями в области военных инноваций — программой ДП.

³⁰ Например, эксперты рассматривают такие формы сдерживания, как сдерживание, базирующееся на знаниях (technologically-based deterrence) (см. подробнее: Defense Horizons. 2004. No. 44. P. 1), или, о чем говорилось выше, сдерживание «отрицанием доступности», а также сдерживание «асимметричным наказанием» [Martinage, 2014].

³¹ The National defense Strategy of the United States of America. Department of Defense, March 2005. P. iii.

В результате новая «стратегия компенсации» базируется на поощрении культуры инноваций в организациях — исполнителях военно-ориентированных НИОКР и в бизнес-практике.

В основе реализации военно-технического превосходства лежат не только технологические, но и, во все большей степени, *организационно-управленческие инновации*. Последним приписывается первостепенное значение в непрерывно увеличивающейся сложности пространства вооруженной борьбы, с которой, по всей вероятности, придется столкнуться в будущем³². На сегодня точные данные по финансированию программы ДП неизвестны, однако предполагается, что на нее в течение последующих 5 лет будет выделено от 6 до 10 млрд долл. Это свидетельствует о серьезности намерений США в данной сфере [Hunter, 2015].

Ключевой компонент ДП — долгосрочная программа исследований и разработок (LRRDPP), которая должна привести к технологическим прорывам в военной сфере и одновременно стимулировать создание основ для выработки новых оперативных концепций. Данный план предусматривает развитие нескольких технологических областей, включая робототехнику, автономные системы, миниатюризацию, обработку больших информационных массивов и перспективные производственные технологии. Главы оперативных военных командований США неоднократно обращались к Конгрессу и руководителям Министерства обороны, подчеркивая, что упомянутые области технологического инвестирования крайне существенны для адаптации военного ведомства к будущим угрозам. Особое внимание уделяется активизации деятельности в киберпространстве³³.

Как и в условиях «второй стратегии компенсации», в данной программе подчеркнута необходимость улучшения взаимодействия американских военных с инновационными предприятиями частного сектора; сделан особый акцент на важности углубленного анализа бизнес-практики в целях повышения эффективности проведения внешнего бенчмаркинга и детализированных внутренних обзоров.

В рамках LRRDPP предполагается определить системные концепции, которые окажут значительное воздействие на технологиче-

³² Об этом, в частности, говорилось в Quadrennial Defense Review, February 2014, p. 22.

³³ Maucione S. Carter plowing forward on 2017 budget despite sequestration threat // Federal News Radio. 17 September 2015. Available at: <http://federalnewsradio.com/defense/2015/09/sec-carter-plowing-forward-2017-budget-despite-sequestration-threat/> (accessed: 21.11.2015).

ское развитие в период 2025–2030 гг., а также выработать последовательность соответствующих мер по реализации этих концепций³⁴.

Форсированное технологическое развитие сегодня характерно для всех без исключения промышленно развитых стран мира и прежде всего для США. На протяжении почти трех последних десятилетий инновационная деятельность, по сути, является ключевым элементом американского военно-технического и военно-экономического развития, не зависящим от смены политической или экономической конъюнктуры. Неуклонно возрастает роль новейших разработок в повышении боевых возможностей вооруженных сил, обеспечении конкурентоспособности наукоемкой военно-технической продукции на мировых рынках, определении технологического уровня производства в военно-ориентированных отраслях экономики.

Исследования показывают, что в 1980–1990-х годах в США был реализован мощный инновационный прорыв как в экономике в целом, так и в военной экономике в частности [Панкова, 2006: 176]. Этого удалось добиться благодаря разработке эффективной и разумной законодательно-правовой основы инновационной деятельности, последовательным и крупным вложениям в НИОКР, развитию предпринимательства и совершенствованию производственной базы. Немаловажную роль сыграли подготовка и последовательное исполнение научно-технических программ (включая военные) в рамках инновационной политики в широком смысле. Был создан и начал результативно функционировать новый механизм, отличительной чертой которого стало формирование плотной сети взаимодействия между всеми субъектами национальной инновационной системы, а также между всеми стадиями динамично развивающегося и существенно усложнившегося инновационного процесса. Усилились взаимосвязи между исполнителями НИОКР и потребителями технологических инноваций. В реализации программы совместного экспериментирования в военной сфере, когда на стадии демонстраций и оперативных экспериментов в процесс вовлекаются как разработчики, так и будущие пользователи, заключен большой потенциал для увеличения эффективности систем приобретения новых видов вооружений и военной техники.

В рамках провозглашаемой «третьей стратегии компенсации» акцент вновь сделан на расширении инновационной деятельности, хотя и проводимой теперь в условиях не повышения, а снижения

³⁴ Long Range Research and Development Plan // Defense Innovation Marketplace. Available at: http://www.defenseinnovationmarketplace.mil/resources/LongRangeResearch-andDevelopmentPlanRFI_Final.pdf (accessed: 20.11.2015).

уровня финансирования НИОКР. Однако в настоящий момент еще не просматриваются кардинально новые идеи (как это было в рамках «второй стратегии компенсации»), открывающие дорогу росту эффективности инновационной деятельности, за исключением, пожалуй, развития партнерского взаимодействия на различных стадиях военно-инновационного процесса. Следует подчеркнуть, что, в отличие от предшествующих периодов, когда военные технологические преимущества достигались и продвигались в основном военными лабораториями, в рамках «третьей стратегии компенсации» развитие робототехники, автоматизации, дальнейшей миниатюризации, обработки больших массивов информации, аддитивных технологий, таких как 3D-печать, планируется реализовывать преимущественно силами коммерческого сектора. Однако хотелось бы заметить, что именно в период действия «второй стратегии компенсации» были «расшиты» наиболее узкие места во взаимодействии военных и гражданских разработчиков и производителей наукоемкой продукции и достигнуты довольно значительные успехи в сотрудничестве военного и гражданского секторов экономики в целом.

Выделим десять, на наш взгляд, базисных факторов, воздействующих на взаимосвязь инновационных процессов и стратегической стабильности в современных условиях [Панкова, 2014: 207–209].

1. Военно-инновационная деятельность в рамках повышения спроса на высокие технологии активизирует изменения структуры и характера средств нападения и обороны, меняет облик вооруженной борьбы. Появляются не только новые виды оружия, в том числе основанные на иных физических принципах, но и современные оперативные концепции, такие как сетцентричные войны, силы быстрого развертывания, «операции на основе эффекта» (effects-based operations), а также новые организационные структуры (территориальная оборона, силы специального назначения, совместные операции) [Zimet, Armstrong, Daniel, Mait, 2004: 2].

2. Вносятся серьезные коррективы в систему принятия решений на поле боя. В частности, ожидается внедрение интегрированной архитектуры на основе искусственного интеллекта, нанотехнологий, эффективного синтеза информации, многофункциональных процессоров, обладающих способностью поддерживать процесс принятия решений в реальном времени, технологий сжатия данных для повышения скорости обработки [Zimet, Armstrong, Daniel, Mait, 2004: 2].

3. Именно инновационная деятельность влияет на поддержание стратегии военно-технического превосходства и беспрецедентного на сегодня отрыва США в военно-технической области, который,

как известно, во все большей степени рассматривается «как инструмент военно-политической стратегии и как средство воздействия на мировую военно-стратегическую ситуацию» [Панкова, 2006: 135].

4. Инновационная деятельность в первую очередь обеспечивает появление технологических новшеств. В то же время она создает условия для подготовки к будущим «технологическим сюрпризам» (в случае их появления) и эффективного реагирования на технологические новации потенциального противника.

5. Именно инновации (прежде всего технологические) позволяют планировать новые технологические перспективы через формирование и оценку будущих потребностей.

6. Кардинально расширяются возможности рекомбинации технологий, т.е. военное преимущество обеспечивается не только самими технологиями, но и способностью к их компоновке, разнообразием методов их использования военными.

7. Радикально меняется временной параметр, что, по мнению ряда американских исследователей, не позволяет полностью контролировать технологическое и, следовательно, военно-технологическое развитие: технология может появиться через 20 лет, или через 5, или никогда.

8. Инновации способствуют выходу промышленной базы на качественно новый уровень, создавая способность к регенерации военно-промышленного потенциала благодаря достижениям информатики, микроэлектроники, робототехники, гибкого автоматизированного, а в перспективе и аддитивного, или 3D-производства.

9. Важным и необходимым фактором ускорения инновационных процессов является интеграция национальных научно-технических комплексов, что в контексте стратегической стабильности ведет к усилению роли стратегических альянсов в сфере безопасности.

10. Повышение эффективности обычных видов вооружений и развитие высокоточного оружия, способного решать задачи стратегического характера в условиях серьезного технологического отрыва США от других стран, способствуют снижению роли и значения ядерного оружия по сравнению с периодом второй половины XX в.

Все вместе эти факторы ведут к глубинным и всесторонним изменениям в характере военных потребностей и способах их удовлетворения, к смещению акцента с размера вооруженных сил на их возможности, что в условиях стремительного расширения состава эффективных акторов «инновационного ландшафта» усиливает «стратегическое» значение инноваций и повышает влияние последних на состояние стратегической стабильности.

Инновационная деятельность, по определению являясь областью высоких рисков, с необходимостью сталкивается с решением следующих вопросов: как реагировать на неопределенность технологического развития и как оценивать его возможности; как определить военный и стратегический потенциал нововведений; какие технологии окажут наибольшее воздействие на стратегическую стабильность в последующие десятилетия. И главный вопрос: становятся ли (и в какой степени) технологические инновации по мере расширения их возможностей инструментом управления безопасностью и глобального сдерживания?

Эти вопросы особенно ярко высветились в связи с современным развитием аэро-ракетно-космических систем, которые играют огромную роль в политике, стратегии обеспечения безопасности и укреплении сдерживания основных ядерных государств. Например, следует отметить, что «все элементы стратегических сил США, включая наступательные и оборонительные вооружения, находятся в жесткой зависимости от эффективности космических систем. Причем все современные формы и способы ведения вооруженной борьбы — как апробированные, так и перспективные, тоже неразрывно связаны с информационными космическими технологиями» [Савельев, Панкова, 2003: 250–251].

В контексте перспективного воздействия на стратегическую стабильность кластер аэро-ракетно-космических вооружений значительно расширяется. Аэро-ракетно-космические средства и системы включают³⁵: беспилотные летательные аппараты (БПЛА); средства дальнего нападения, способные преодолевать самые современные системы ПВО и ПРО; гиперзвуковые крылатые ракеты; гиперзвуковые самолеты; воздушно-космические самолеты (например, американский Х-37В) [Орехов, Чекинов, 2004; Ашурбейли, 2014]; планирующие и маневрирующие головные части баллистических ракет; гиперзвуковые планирующие летательные аппараты с неограниченной дальностью действия; воздушно-космические системы для планирующего спуска в атмосфере.

К качественным изменениям в характеристиках стратегической стабильности и достижению стратегических асимметричных преимуществ может привести и использование перспективных технологических инноваций в космосе. Так, только в области «неконфронтационных» космических технологий сегодня обсуждается реальность достижения гарантированного доступа в космос, до-

³⁵ Анализ возможностей реализации инновационных прорывов в аэрокосмической области строится на основании данных американской и российской экспертиз.

ступа в космос по требованию и нелимитированного гарантированного доступа в любую точку пространства. Кроме того, рассматривается обеспечение таких возможностей спутниковых систем, как гарантированная автоматизация и автономия, самооценка и коррекция, обнаружение угрозы, бортовая диагностика, радиационная защита и экранирование, создание кластеров взаимодействующих и маневрирующих спутников, гибкость при операциях на орбитах, реконфигурация, развертывание по требованию. Возможно и появление «конфронтационных технологий», т.е. космических технологий с потенциальными возможностями боевого применения.

В области развития средств нападения одним из главных инструментов универсального назначения, по мнению российских экспертов, становятся силы и средства воздушно-космической борьбы, «способные решать в военных конфликтах не только оперативно-тактические и оперативные, но и важнейшие оперативно-стратегические и стратегические задачи, даже при применении лишь обычных средств поражения»³⁶. К перспективным средствам нападения, которые уже в ближайшем будущем могут быть использованы в воздушно-космическом пространстве, относятся «баллистические и аэробаллистические ракеты, планирующие и маневрирующие головные части, гиперзвуковые крылатые ракеты, гиперзвуковые самолеты, воздушно-космические самолеты» [Орехов, Чекинов, 2004]. Особое значение с точки зрения воздействия на стратегическую стабильность может приобрести (в случае ее реализации) американская концепция PGS, разрабатывая которую, США пытаются решить задачу обеспечения возможности нанесения удара (как ядерного, так и неядерного) по любой точке планеты в течение 60 минут с момента принятия решения.

Все более комплексной становится система обороны, развиваясь в направлении объединения функций противовоздушной, противоракетной и противокосмической защиты.

Новые тенденции развития средств нападения и обороны в совокупности с расширяющимися возможностями систем связи, контроля, управления и разведки (так называемые системы СЗІ) способствуют, по определению специалистов RAND Corporation, «парадигматическому сдвигу» в характере и способах ведения военных действий³⁷. Возрастает значение *асимметричных подходов*. Большое воздействие на характер вооруженной борьбы следует

³⁶ Материалы заседания Ученого совета Академии военных наук // Военная мысль. 2003. № 9. С. 76.

³⁷ A survey of the defense industry // The Economist. 2002. July 20. P. 7.

ожидать и от новой архитектуры принятия решений, особенно при включении в нее элементов искусственного интеллекта, повышении скорости обработки информации и т.д.

* * *

В долгосрочной перспективе важнейшее влияние на устойчивость стратегической стабильности, безусловно, окажут разработки кибернетического и гиперзвукового оружия. Заслуживает пристального внимания создание полностью автономных систем вооружения. Требуется оценка разработок средств ведения войны, основанных на новых физических принципах или, например, на прорывах в области биотехнологий³⁸. Нельзя упускать из виду возможное сочетание военных инноваций с существующими системами ядерного оружия. Не до конца ясна в настоящий момент роль нанотехнологий и когнитивных технологий. Уже сегодня Управление перспективных исследований Министерства обороны США (Defense Advanced Research Projects Agency — DARPA) активно работает над следующим поколением интеллектуальных систем, базирующихся на интенсивном использовании знаний.

И все же, на наш взгляд, в ближайшие два десятилетия определяющее воздействие на состояние стратегической стабильности окажут аэро-ракетно-космические технологии, причем оценка устойчивости стратегического баланса потребует учета не только этих технологий, но и их взаимосвязи, например, с системами ПРО и, возможно, с тактическим ядерным оружием.

Период до 2020 г. можно рассматривать как «стратегическую паузу» — этап восприятия и экспериментальной отработки новых технологических возможностей и идей, радикального пересмотра главных критериев ракетной и аэрокосмической деятельности и одновременно интенсивной подготовки к принятию решений — значимых прежде всего с точки зрения международной безопасности и стратегической стабильности — о будущих проектах и программах. 2020-е годы следует рассматривать как «зону бифуркации» — поворотный пункт в развитии мировой аэро-ракетно-космической сферы, в котором происходит ветвление, определяющее ситуацию выбора, и где достаточно вероятны изменение взглядов на аэрокосмическую деятельность, ее переход в качественно новое состояние. Как известно, в зоне бифуркации резко возрастает чувствительность к внешним воздействиям: перевод системы из од-

³⁸ О возможности появления оружия массового поражения с использованием биотехнологий говорилось в «Четырехгодичном обзоре состояния обороны — 2014» (Quadrennial Defense Review 2014, Department of Defense. USA. March 2014. P. 7).

ного состояния в другое возможен под воздействием минимального импульса, исходящего из любой сферы — политической, военной или технологической. В связи с этим уже сегодня необходимо упреждающее формирование стратегии аэро-ракетно-космической деятельности, отвечающей позитивным интересам мирового сообщества и способствующей поддержанию стратегической стабильности.

В обозримом будущем, в период 2020—2030-х годов, можно ожидать важные изменения в структуре и составе вооруженных сил большинства промышленно развитых стран мира. Американские эксперты, говоря о задачах Вооруженных сил США на этот период, на одно из первых мест ставят обеспечение ядерного паритета с Россией и превосходства над Китаем³⁹ [Murdock, Crotty, Weaver, 2014]. Иными словами, «не снижается актуальность темы поддержания стратегической стабильности в “диадных” отношениях Россия—США», от состояния которых «во многом зависит обеспечение политико-военной и военно-стратегической стабильности во всей системе мировой политики» [Кокошин, 2013].

Период 2030—2040-х годов, когда проявится интеграционный (синергетический) эффект прорывных аэро-ракетно-космических технологий, а также определятся новые научно-технические прорывы в военной области, потребует поиска баланса ядерных и обычных вооружений в общем уравнении стратегической стабильности.

Однако уже сейчас необходимы интенсивные стратегические дебаты с участием России по перспективной аэрокосмической деятельности и ракетным технологиям. Эти дискуссии должны учитывать изменения в характере вооруженной борьбы, в том числе стратегического характера, и включать оценки рисков снижения стратегической стабильности в случае новых инновационных решений и стратегий; исследования относительно возможности создания систем контроля в области стратегически важных разработок; анализ воздействия «запускающих» аэрокосмических технологий на трансформацию военной сферы.

Динамизм инновационного развития является важным фактором, во многом определяющим направленность и темпы движения к новой концепции стратегической стабильности. При этом необходимо принимать во внимание проецирование воздействия перспективных технологических достижений в целом и в аэро-ра-

³⁹ Другие задачи США в 2020—2030-е годы: создание интегрированного театра военных действий и ПРО, глобальное проецирование силы при противодействии блокировке доступа в определенные регионы, достижение военно-технического превосходства, обеспечение полного спектра возможностей систем разведки и наблюдения, глобальное противодействие терроризму.

кетно-космической сфере в частности на основные составляющие главного «нервного узла» всей системы безопасности — режима нераспространения ракетных технологий, контроля космического пространства и стратегической стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А. Новая диалектика наступательных и оборонительных стратегических вооружений // Разоружение и безопасность 2013–2014. Стратегическая стабильность: проблемы безопасности в условиях перестройки международных отношений / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 10–24.
2. Ашурбейли И. Милитаризация космоса неизбежна // Военно-промышленный курьер. 2014. № 8. С. 2–3.
3. Дворкин В. Факторы стабильности // Россия и дилеммы ядерного разоружения / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина, С. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 21–22.
4. Кокошин А.А. О системе неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России. М.: Изд-во Московского университета, 2012.
5. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: НИУ ВШЭ, 2013.
6. Кокошин А., Бартеков В., Веселов В. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США // США — Канада. Экономика, политика, культура. 2015. № 11. С. 3–22.
7. Орехов О.В., Чекинов С.Г. Характерные особенности вооруженной борьбы в военных конфликтах последнего десятилетия // Военная мысль. 2004. № 10. С. 13–18.
8. Панкова Л.В. Инновационная составляющая военной экономики США. М.: ИМЭМО РАН, 2006.
9. Панкова Л.В. Стратегическая стабильность в условиях активной инновационной динамики: важнейшие аспекты // Разоружение и безопасность 2013–2014. Стратегическая стабильность: проблемы безопасности в условиях перестройки международных отношений / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 207–216.
10. Разоружение и безопасность 2013–2014. Стратегическая стабильность: проблемы безопасности в условиях перестройки международных отношений / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
11. Россия и дилеммы ядерного оружия / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина, С. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2013.
12. Савельев А., Панкова Л. Международные дебаты по предотвращению развертывания оружия в космическом пространстве // Разоружение и безопасность 2001–2002. Международная безопасность: новые угрозы нового тысячелетия / Отв. ред. А.Г. Арбатов. М.: Наука, 2003. С. 250–251.

13. Anthony I. International security, armaments and disarmament // SIPRI Yearbook 2014. Stockholm international peace research institute. Oxford University Press, 2014. Available at: <http://www.sipriyearbook.org/view/9780198712596/sipri-9780198712596.xml> (accessed: 22.11.2015).

14. Colby E. Nuclear weapons in the Third Offset Strategy: Avoiding a nuclear blind spot in the Pentagon's new initiative. Center for a New American Security, 2015.

15. Fargo M. The future of strategic stability and deterrence in Europe. Center for Strategic and International Studies (CSIS). Available at: http://csis.org/images/stories/poni/130319_Fargo.pdf (accessed: 24.11.2015).

16. Hunter A. Significant innovation investments in the absence of sequestration // Crotty R., Dalton M., Schaus J. et al. FY 2016 budget: The defense impact. Center for Strategic and International Studies (CSIS). Washington, D.C., 2015.

17. Kile S.N., Kristensen H.M., Glaser A. World nuclear forces // SIPRI Yearbook 2015. Stockholm international peace research institute. Available at: <http://www.sipri.org/yearbook/2015/01> (accessed: 25.11.2015).

18. Krepinevich A.F., Watts B., Work R. Meeting the Anti-Access and Area-Denial challenge. M. Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2003.

19. Martinage R. Toward a new Offset Strategy exploiting U.S. long-term advantages to restore U.S. global power projection capability. Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2014.

20. Murdock C., Crotty R., Weaver A. Building the 2021 affordable military. Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2014. Available at: www.csis.org/files/publication/140625_Murdoc_Building_2021Military_Web.pdf (accessed: 22.11.2015).

21. Ochmanek D. The role of the Maritime and Air Power in DOD's Third Offset Strategy. RAND Corporation. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/CT400/CT420/RAND_CT420.pdf (accessed: 23.11.2015).

22. Perry W.J., Abizaid J.P. Ensuring a strong U.S. defense for the future // The National Defense Panel Review of the 2014 Quadrennial defense Review. Available at: <http://www.slideshare.net/Avicennesy/ensuring-a-strongdefense-forthefuture>. (accessed: 22.11.2015).

23. Shaud J.A. Air Force Strategy study 2020–2030. Department of the Air Force, US. January 2011. Available at: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a540345.pdf> (accessed: 23.11.2015).

24. Singer P.L. Federally supported innovations: 22 examples of major technology. The Information Technology and Innovation Foundation (ITIF). Available at: www2.itif.org/2014-federally-supported-innovations.pdf (accessed: 23.11.2015).

25. Steinbock D. The challenges for America's Defense Innovation. The Information Technology and Innovation Foundation (ITIF). 2014. Available at: www2.itif.org/2014-defense-rd.pdf (accessed: 23.11.2015).

26. Woolf A.F. Conventional Prompt Global Strike and long-range ballistic missiles: Background and issues. Congressional Research Service, 2015.

27. Yost D.S. Strategic stability in the Cold War lessons for continuing challenges. Security Studies Center. 2011. Available at: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp36yost.pdf> (accessed: 24.11.2015).

28. Zimet E., Armstrong R.E., Daniel D.C., Mait J.N. Technology, transformation, and new operational concepts // Defense Horizons. 2004. No. 31. P. 1–8.

L.V. Pankova

**STRATEGIC STABILITY
AND THE U.S. THIRD OFFSET STRATEGY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Primakov Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

Formation of a new set of economic, military, and technological factors calls for a development of an innovative conceptual approach to strategic stability. The United States address this challenge by an elaboration of the Third Offset Strategy, meant to guarantee the US military-technical predominance in the face of a new wave of innovation and a transformation of international system. On the basis of the analysis of the US key doctrinal documents, official statements of the US politicians and military spokesmen, as well as data from various analytical reports, the present paper identifies the key elements of the Third Offset Strategy. Special attention is paid to current and future developments of the US Anti-Access/Area-Denial (A2/AD) systems and counter-A2/AD capabilities. The author emphasizes that despite a general reduction in defense expenditures, an accelerated innovative development, aimed at ensuring a technological breakthrough in military domain, remains the key element of the Third Offset Strategy, which focuses on stimulating co-operation between state agencies, private companies and research centers. The author identifies the main factors that determine the importance of innovative development in ensuring strategic stability in the modern context. The paper also examines the newest developments of offensive and defensive armaments (aero-space forces, unmanned systems etc.). The author comes to the conclusion that the composition and structure of the US military forces may undergo significant changes in the 2020-2030 timeframe, which would inevitably affect the global system of strategic stability and pose new challenges for the Russian Federation's security.

Keywords: the United States, strategic stability, Third Offset Strategy, strategic balance, international security, Anti-Access, Area-Denial, A2/AD, Prompt Global Strike, deterrence, innovative technologies, aero-space forces.

About the author: *Lyudmila V. Pankova* — Doctor of Sciences (Economics), Head of the Department of Military and Economic Security at the Center for International Security, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lpankova@imemo.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 15-37-11136 ‘The Impact of Technological Factors on Parameters of National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability’.

REFERENCES

1. Arbatov A. 2014. Novaya dialektika nastupatel'nykh i oboronitel'nykh strategicheskikh vooruzhenii [New dialectics of the offensive and defensive strategic weapons]. In Arbatov A., Bubnova N. (eds.). *Razoruzhenie i bezopasnost' 2013–2014. Strategicheskaya stabil'nost': problemy bezopasnosti v usloviyakh perestroiki mezhdunarodnykh otnoshenii* [Disarmament and security 2013–2014. Strategic stability: Security issues in the context of the transformation of international relations]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
2. Ashurbeili I. 2014. Militarizatsiya kosmosa neizbezhna [Militarization of outer space is inevitable]. *Voенно-promyshlennyi kur'er*, no. 8, pp. 2–3. (In Russ.)
3. Dvorkin V. 2012. Faktory stabil'nosti [Factors of stability]. In Arbatov A., Dvorkin V., Oznobishchev S. (eds.). *Rossiya i dilemmy yadernogo razoruzheniya* [Russia and the dilemma of nuclear disarmament]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
4. Kokoshin A.A. 2012. *O sisteme neyadernogo (pred'yadernogo) sderzhivaniya v oboronnoi politike Rossii* [On the system of non-nuclear (pre-nuclear) deterrence in Russia's defense policy]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
5. Kokoshin A.A. 2013. *Politiko-voennye i voенno-strategicheskie problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii i mezhdunarodnoi bezopasnosti* [Political-military and military-strategic aspects of Russia's national security and international security]. Moscow. (In Russ.)
6. Kokoshin A.A., Bartenev V.I., Veselov V.A. 2015. Podgotovka revolyutsii v voennom dele v usloviyakh byudzhетnykh ogranichenii: novye initsiativy Ministerstva oborony SShA [Launching a revolution in military affairs in the age of austerity: New initiatives of the U.S. DoD]. *SSha — Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura*, no. 11, pp. 3–22.
7. Orehov O.V., Chekinov S.G. 2004. Kharakternye osobennosti vooruzhennoi bor'by v voennykh konfliktakh poslednego desyatiletiya [Characteristic features of armed struggle in military conflicts of the last decade]. *Voennaya mysl'*, no. 10, pp. 13–18. (In Russ.)
8. Pankova L.V. 2006. *Innovatsionnaya sostavlyayushchaya voенnoi ekonomiki SShA* [Innovative component of the US defense economics]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

9. Pankova L.V. 2014. Strategicheskaya stabil'nost' v usloviyakh aktivnoi innovatsionnoi dinamiki: vazhneishie aspekty [Strategic stability in the context of high innovation dynamics]. In Arbatov A., Bubnova N. (eds.). *Razoruzhenie i bezopasnost' 2013–2014. Strategicheskaya stabil'nost': problemy bezopasnosti v usloviyakh perestroiki mezhdunarodnykh otnoshenii* [Disarmament and security 2013–2014. Strategic stability: Security issues in the context of the transformation of international relations]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

10. Arbatov A., Bubnova N. (eds.). 2014. *Razoruzhenie i bezopasnost' 2013–2014. Strategicheskaya stabil'nost': problemy bezopasnosti v usloviyakh perestroiki mezhdunarodnykh otnoshenii* [Disarmament and security 2013–2014. Strategic stability: Security issues in the context of the transformation of international relations]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

11. Arbatov A., Dvorkin V., Oznobishchev S. (eds.). 2012. *Rossiya i dilemmy yadernogo razoruzheniya* [Russia and the dilemma of nuclear disarmament]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

12. Savel'ev A., Pankova L. 2003. Mezhdunarodnye debaty po predotvrashcheniyu razvertvaniya oruzhiya v kosmicheskom prostranstve [International debates on prevention of weaponization of outer space]. In Arbatov A.G., Bubnova N.I. (eds.). *Razoruzhenie i bezopasnost' 2001–2002. Mezhdunarodnaya bezopasnost': novye ugrozy novogo tysyacheletiya* [Disarmament and security 2001–2002. International security: New challenges of a new Millennium]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

13. Anthony I. 2014. International security, armaments and disarmament. *SIPRI Yearbook 2014*. Stockholm international peace research institute. Oxford University Press. Available at: <http://www.sipriyearbook.org/view/9780198712596/sipri-9780198712596.xml> (accessed: 22.11.2015).

14. Colby E. 2015. *Nuclear weapons in the Third Offset Strategy: Avoiding a nuclear blind spot in the Pentagon's new initiative*. Center for a New American Security.

15. Fargo M. *The future of strategic stability and deterrence in Europe*. Center for Strategic and International Studies (CSIS). Available at: http://csis.org/images/stories/poni/130319_Fargo.pdf (accessed: 24.11.2015).

16. Hunter A. 2015. Significant innovation investments in the absence of sequestration. In Crotty R., Dalton M., Schaus J. et al. *FY 2016 budget: The defense impact*. Center for Strategic and International Studies (CSIS). Washington, D.C.

17. Kile S.N., Kristensen H.M., Glaser A. 2015. World nuclear forces. *SIPRI Yearbook 2015*. Stockholm international peace research institute. Available at: <http://www.sipri.org/yearbook/2015/01> (accessed: 25.11.2015).

18. Krepinevich A.F., Watts B., Work R. 2003. *Meeting the Anti-Access and Area-Denial challenge*. Center for Strategic and Budgetary Assessments.

19. Martinage R. 2014. *Toward a new Offset Strategy: Exploiting U.S. long-term advantages to restore U.S. global power projection capability*. Center for Strategic and Budgetary Assessments.

20. Murdock C., Crotty R., Weaver A. 2014. *Building the 2021 affordable military*. Center for Strategic and International Studies (CSIS). Available at: www.csis.org

csis.org/files/publication/140625_Murdoc_Building_2021Military_Web.pdf (accessed: 22.11.2015).

21. Ochmanek D. 2014. *The role of the Maritime and Air Power in DOD's Third Offset Strategy*. RAND Corporation. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/CT400/CT420/RAND_CT420.pdf (accessed: 23.11.2015).

22. Perry W.J., Abizaid J.P. 2014. *Ensuring a strong U.S. defense for the future. The National Defense Panel review of the 2014 Quadrennial Defense Review*. Available at: <http://www.slideshare.net/Avicennesy/ensuring-a-strongdefense-forthefuture> (accessed: 22.11.2015).

23. Shaud J.A. 2011. *Air Force Strategy study 2020–2030*. Air University Press. Air Force Research Institute. Available at: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a540345.pdf> (accessed: 23.11.2015).

24. Singer P.L. 2014. *Federally supported innovations: 22 examples of major technology*. The Information Technology and Innovation Foundation (ITIF). Available at: www2.itif.org/2014-federaly-supported-innovations.pdf (accessed: 23.11.2015).

25. Steinbock D. 2014. *The challenges for America's Defense Innovation*. The Information Technology and Innovation Foundation (ITIF). Available at: www2.itif.org/2014-defense-rd.pdf (accessed: 23.11.2015).

26. Woolf A.F. 2015. *Conventional Prompt Global Strike and long-range ballistic missiles: Background and issues*. Congressional Research Service.

27. Yost D.S. 2011. *Strategic stability in the Cold War. Lessons for continuing challenges*. Security Studies Center. Available at: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp36yost.pdf> (accessed: 24.11.2015).

28. Zimet E., Armstrong R.E., Daniel D.C., Mait J.N. 2004. Technology, transformation, and new operational concepts. *Defense Horizons*, no. 31. P. 1–8.